

A. Levin-Steinmann. Die Legende vom Bulgarischen Renarrativ. Bedeutung und Funktionen der kopulalosen l-Periphrase. München: Otto Sagner, 2004. 382 S.

Работа немецкого слависта А. Левин-Штайнман “Легенда о болгарском ренарративе. Значение и функции л-форм без связки”

посвящена болгарским глагольным формам, которые в болгаристике, как правило, называются **пересказывательным наклонением** (см.,

например [Андрейчин 1962]). Эти формы состоят из так называемого *л*-причастия, образованного от глагола совершенного или несовершенного вида, и формы глагола 'быть'. Формы ренарратива в целом совпадают с формами перфекта, отличаясь от них только в третьем лице, где ренарратив, в отличие от перфекта, допускает опущение связки. Например, в 3 лице пересказывательными формами от глагола *чета* 'читать' являются "аористное *л*-причастие" *чел* и "имперфектное *л*-причастие" *четял*.

Пересказывательное значение принадлежит к семантической зоне эвиденциальности, элементы которой "выражают эксплицитное указание на источник сведений говорящего относительно сообщаемой им ситуации" [Плунгян 2000: 321]. Значения, связанные с этой зоной, начали систематически изучаться сравнительно недавно. Из типологических работ на эту тему можно отметить сборники [Chafe, Nichols (eds.) 1986; Guentcheva (ed.) 1996] и охватывающий более узкий ареал [Johanson (ed.) 2000].

Одной из главных проблем, связанных с изучением эвиденциальности, является размытость границ между различными эвиденциальными значениями: источник информации о событии не всегда выражается в тексте эксплицитно. Дополнительные сложности вносит тот факт, что осмысление информации как "своей" или "чужой" зависит от отношения к ней говорящего: в частности, говорящий может специально подчеркивать, что не был свидетелем ситуации, в случае, если считает информацию о ней ложной или непроверенной. Именно поэтому важно располагать четкой классификацией различных употреблений пересказывательного наклонения.

В начале работы перечисляются значения, выражаемые бессвязочными *л*-причастиями. В число этих значений входят:

– собственно *ренарратив* ('ситуация известна говорящему с чужих слов', т.е. "пересказывается"), ср. *Моето упражнение било най-хубавото в целия курс* 'Мое упражнение (по словам преподавателя) – лучшее на курсе';

– *конклюдив* ('знание о ситуации выводится говорящим логически на основании наблюдаемых им последствий') – ср. *Излезе, че него всъщност не го интересувал никак животът на това ... малцинство* 'Выясняется, что его, в сущности, вообще не интересовала жизнь этого меньшинства';

– *констатация состояния*, являющегося результатом некоторой ситуации, свидетелем которой субъект не был – ср. ... *народния певец, на когото запушили уста с желязна ръка* 'народный певец, которому железной рукой заткнули рот'. Констатация состояния, в

отличие от конклюдива, предполагает, что акцент делается именно на состоянии, являющемся результатом ситуации;

– *адмиратив* ('ситуация неожиданна для говорящего/субъекта') – ср. *Тук нямало никакъв материал!* 'Да тут нет никакого материала!'. Как убедительно показывает автор, адмиратив распадается на целый ряд подтипов в соответствии с тем, какие эмоции испытывает говорящий из-за неожиданно возникшей ситуации;

– *оптатив* ('говорящий хочет, чтобы имела место ситуация') – ср. *Опазил ме господ...!* 'Боже меня упаси...!'. Хотя автор отмечает, что оптатив употребляется в основном в устойчивых сочетаниях, он считает нужным включить его в число рассматриваемых значений: как и остальные значения, оптатив подразумевает, что говорящий не был свидетелем ситуации и не может гарантировать ее осуществление;

– *имперцептив* ('ситуация не воспринималась говорящим непосредственно')¹ – данное значение выступает во многих примерах вместе со всеми остальными – ср., например, *Синчето ми... с кратчеото си ми притиснало гърлото* 'Мой сынок <оказывается> сдвинул мне горло ножкой 'сво снез', где имперцептивное значение сочетается со значением констатации состояния. Таким образом, оно является более общим и абстрактным, чем остальные выделяемые значения. Вероятно, возможным решением этой проблемы, к которому автор не прибегает, было бы включение компонента имперцептивности в состав других значений *л*-формы.

Приведенный список весьма полон и, судя по всему, исчерпывает типы употреблений *л*-форм. Единственным недостатком, возможно, является то, что автор не рассматривает подробно вопрос о том, кто делает умозаключение или испытывает эмоции, о которых идет речь при конклюдивном или адмиративном употреблении, – в частности, может ли адмиративность относиться не к говорящему, а к наиболее выделенному участнику ситуации, о котором идет речь: 'ему сказали, что Иван уехал (и это его удивило)'. В работе доказывается несостоятельность некоторых попыток более узко задать семантику того или иного употребления бессвязочных *л*-форм: например, определить, какие наборы эмоций могут обозна-

¹ В русскоязычной литературе это значение обычно обозначается терминами *заглазность* или *косвенная засвидетельствованность*. Как показывает автор, для болгарского языка роль играет именно наличие/отсутствие *зрительной* засвидетельствованности.

чать л-формы в адмиративном употреблении: материал доказывает, что конкретные эмоции прагматически выводятся из значения 'ситуация Р является неожиданной для субъекта оценки' и не должны считаться частью семантики форм. Таким же выводимым компонентом является положительная или отрицательная оценка событий, о которых узнает говорящий.

Ясно, однако, что простое перечисление значений не исчерпывает проблемы описания семантики пересказывательных форм. Как указывает автор, во многих случаях значение формы лежит между несколькими значениями из списка, а некоторые контексты допускают множественные интерпретации, хотя в любом случае важно очертить круг значений, которые в принципе может иметь бессвязочная форма.

Боле серьезные проблемы связаны с неоднородностью самого списка значений. Так, адмиратив или конклюдив – достаточно узкие значения, для которых можно довольно четко определить набор контекстов. Автор специально замечает, что констатация состояния вполне может не включать эмоциональный компонент (такой, как, например, удивление говорящего). С другой стороны, имперцептив или констатация состояния практически не встречаются "в чистом виде" – они сопровождают практически все употребления рассматриваемых форм. В этом смысле одной из главных затрагиваемых в работе проблем становится выбор одного из этих значений в качестве основного значения бессвязочных л-форм. Возможно, не совсем правильно решение рассматривать эти более абстрактные значения в одном списке и, так сказать, на одном уровне с более конкретными: в последующих главах выясняется, что и типологическое рассмотрение способов выражения подобных значений затруднено именно из-за их абстрактности: в их выражении принимает участие очень большое количество языковых единиц разноразной природы.

Проблема разнородности значений эксплицитно обсуждается в конце первой главы, где автор строит семантическую схему взаимоотношений значений. В центре этой схемы находится адмиратив. По всей вероятности, это не означает, что адмиративность считается основным значением пересказывательных форм. Автор лишь имеет в виду, что адмиративное значение всегда появляется вместе с каким-то еще. Действительно, перечисленные ранее значения бессвязочных л-форм часто сочетаются со значением экспрессивности, более общим, чем адмиратив («ренарратив, конклюдив и констатация состояния, разумеется, всегда сочетаются с семантическим признаком "экс-

прессивность"»: с. 51), но имеющим другую природу, скорее прагматическую, нежели семантическую. Адмиратив считается как бы пересечением значений экспрессивности и собственно семантических употреблений бессвязочных л-форм.

Поскольку одним из основных компонентов рассматриваемых автором форм является л-причастие, автор посвящает отдельную главу анализу функций таких причастий в болгарском языке. Это выгодно отличает рецензируемую работу от многих описательных исследований, в которых причастия и образованные с их помощью глагольные формы рассматриваются независимо друг от друга. Исследование функций причастий необходимо хотя бы потому, что существуют различные варианты пересказывательных форм, использующих различные причастия. На протяжении всей работы автор отстаивает ту точку зрения, что семантика видо-временных форм сохраняется и в причастиях, ср., например: "Ситуации, обозначенные настоящим временем, но захватывающие также и претеритный уровень, обозначаются формой имперфекта" (т.е. при пересказе используется форма имперфектного причастия) (с. 224).

Несколько нелогичным выглядит лишь вынесение на первое место субстантивной функции причастия, поскольку она является скорее производной от адъективной. Однако более важно, что в значении ренарратива и самого л-причастия обнаруживается существенный общий компонент: причастие само по себе также обозначает констатацию состояния, являющегося результатом некоторой динамической ситуации. Субстантивы могут образовываться не только от глаголов совершенного вида (*умрял* 'умерший, покойный'), но и от глаголов несовершенного (*било* и *небило* 'возможное и невозможное', субстантивы такого рода образуются даже чаще)².

Напротив, в адъективной функции, как правило, выступают причастия совершенного вида. Автор отмечает продуктивность образования л-причастий. Особенно важно соотношение причастия в адъективной функции (*изсъхнал лист* 'высохший лист') и (квази)синонимичного прилагательного (*съх* 'сухой'), где первое "подчеркивает предшествующие результату события" (с. 177). Различия в аспек-

² В том же ряду рассматриваются такие существительные, как *облекло* 'одежда', *гъмжило* 'толпа' и т.д., не имеющие адъективных употреблений. Как кажется, вопрос об их прямой связи с л-причастиями все же спорен.

туальных свойствах обуславливают разную сочетаемость с наречиями образа действия: так, причастия, но не прилагательные сочетаются с обстоятельстами типа *доста* 'в большой степени, достаточно сильно' (ср. **доста плешиш* 'довольно сильно лысый' при допустимом *доста оплешивял* 'довольно сильно облысевший'). Таким образом автор подтверждает наличие в семантике причастия двух различных компонентов – констатация состояния (данный компонент как раз и проявляется в пересказывательных формах) и обозначения предшествующего ему действия. Эти два компонента, как указывает автор, обуславливают и широкие возможности использования причастия в роли прилагательного, большие, чем в немецком и русском: ср. не вполне приемлемые примеры **притворяться уснувшим*, нем. **sich eingeschlafen stellen* и возможное в болгарском *престори се на заснал* 'притворяться спящим' (букв. 'уснувшим'). Наконец, последней сферой употребления причастия является употребление в роли адвербиального причастия, ср. примеры типа *Отпаднал и недоспад, изнервен, Ханс Касторп едва сдържаще зъбите си* 'Будучи вялым и недоспавшим, нервным, Ханс Касторп едва не стучал зубами'. Автор считает, что в подобных примерах причастие скорее передает не типичную для адъективных групп семантику признака (в этом случае оно отвечает на вопрос 'какой'), а типичную для адвербиальных групп семантику времени или причины. В действительности кажется, что данный признак может считаться выводимым из контекста, требующего скорее интерпретации, характерной для адвербиальных или для адъективных групп.

Типы причастий, выступающих в составе ренарративной формы, и их семантика более подробно рассматриваются в главе 6. Именно в этой главе делается вывод о том, что инвариантом значений *л*-формы является констатация состояния. Четыре варианта причастий – аористное vs. имперфектное, совершенного vs. несовершенного вида – тяготеют к различным употреблениям. Например, для *констатации состояния* наиболее характерна комбинация совершенного вида с показателем аориста, ср. *Се намерил между нашите някакъв подлец* '<Видимо>, среди наших нашелся какой-то подлец'. Конклюдив также часто использует эту комбинацию, однако аористное причастие может образовываться и на базе глагола несовершенного вида в случае, когда говорящий не вполне точно может заключить, что действие было завершено, ср. *Ама аз съм се качвал вече у този рейс* 'Но я уже садился на этот рейс'. Конклюдив от имперфектной формы обозначает, что действие вообще не замкнуто во вре-

мени, а также может нести дополнительную экспрессивную окраску – ср. *Ето какво значе-до да държиш властта в ръцете си!* 'Вот что, оказывается, значит держать власть в своих руках!'. Адмиратив часто выражается особой комбинацией пересказывательной формы с *л*-причастием от вспомогательного глагола (*бил*) – в данном случае одновременно выражаются адмиративное и ренарративное значения. В образовании опатива противопоставление совершенного и несовершенного вида роли не играет: желаемое событие всегда находится в будущем, и то, что является желаемым – полное или неполное осуществление действия началось – зависит от воли говорящего, ср. *Виждал и всемогъщият бог...* 'Да видит всемогущий Бог...', где желаемым является наличие ситуации 'видит', а следовательно, используется форма несовершенного вида. Тем не менее, может использоваться и аористное причастие – в этом случае говорящий рассматривает желаемую ситуацию "вблизи", анализирует ее, как если бы она уже имела место³ – ср. *Нека научел някой европейски език* 'Пусть он выучит какой-нибудь европейский язык'.

Обыдому свойствами обладает собственно ренарратив: время и вид глагола в ренарративном употреблении выводятся из видо-временной формы глагола в речи лица, чья речь пересказывается. Автор подчеркивает важную особенность устройства болгарской системы: выбор ренарративной формы при собственно пересказывательном употреблении происходит иначе, чем при всех остальных. По всей вероятности, можно считать, что именно это употребление дальше всего отстоит от перфекта и в наибольшей степени функционирует как особое наклонение. В остальных употреблениях форма выбирается непосредственно на основе свойств описываемой ситуации.

Особенно важно, что в работе вводится в рассмотрение не только противопоставление аористных и имперфектных пересказывательных форм (первые используются для передачи форм будущего времени и аориста, вторые – настоящего времени и имперфекта), но также форм совершенного и несовершенного вида – данное противопоставление, как правило, не прослеживается на материале пересказывательных форм.

³ Хотя автор не поясняет этого подробно, можно предположить, что противопоставление имперфекта и аориста не имеет отношения к степени влияния говорящего на осуществление желаемой ситуации.

Естественно, наиболее важным и близким типом форм, с которым соотносятся бессвязочные *л*-формы, считаются формы перфекта, также образованные с помощью *л*-причастия и вспомогательного глагола, но не допускающие опущения последнего. В авторитетных работах по болгаристике (например [Андрейчин 1962]) эти два ряда форм рассматриваются отдельно: пересказывательные относятся к наклонениям, а перфектные – к видо-временным формам. Однако автор убедительно показывает, что формы со вспомогательным глаголом и без него имеют много общего – оба этих ряда форм противопоставлены аористным и имперфектным формам.

По существу, и перфектные и пересказывательные формы обозначают скорее результат действия, тогда как аористные и имперфектные – само действие (первые – “извне” как завершенное целое, вторые – “изнутри” как ситуацию с внутренней структурой). Разница между перфектом и пересказывательными формами заключается в том, что вторые имеют более статальное значение. Чтобы пояснить это, автор использует особые схемы, фиксируя на них момент речи, моменты начала и завершения действия: при использовании пересказывательных форм рассказчик фиксирует только завершающее состояние ситуации (смотря на ситуацию с точки зрения ее субъекта), а при перфектных формах продлевает полный путь от завершающего состояния к начальной точке. Заметим, что в типологических исследованиях отмечалось наличие статического и динамического компонента у одних и тех же перфектных форм. Особенность болгарского языка заключается именно в наличии двух рядов форм, в которых превалируют разные компоненты результативного значения. Вспомогательный глагол в перфекте обозначает временную отнесенность состояния, отходящую на второй план в пересказывательных формах, но не теряющую полностью.

Рассмотрение автором типологического материала несколько менее подробно, чем анализ ситуации в болгарском языке. Оно не может претендовать на полноту еще и потому, что, как отмечает сам автор, значения из эвиденциальной зоны часто выражаются не только аффиксами, но и отдельными лексемами – как самостоятельными, так и несамостоятельными, – а также с помощью жестов, интонации и других неграмматических средств.

В части, посвященной ренарративу, автор строит предполагаемый путь грамматикализации показателей пересказа и косвенной засвидетельствованности – от глагола со значением ‘сказать’ к неизменяемым частицам типа ‘мол’ и далее, с расширением семантики, к маркеру

подчиненного предложения (причинного или условного). Помимо глаголов речи, источником подобных частиц могут быть и другие глаголы – предполагается, в частности, что частица *де* происходит от старославянского глагола *деяти*. В главе об адмиративе анализируются, в основном, конструкции – в частности, экспрессивные, типа *Подумать только!* Очень интересно предпринятое автором рассмотренные роли перфектных и плюсквамперфектных форм в выражении эвиденциальных значений – в этой части, например, подробно рассматривается ренарративная функция немецкого *двойного перфекта* (ср. *habe gelesen gehabt*) и *двойного плюсквамперфекта* (ср. *hätte gelesen gehabt*), сравнительно редко попадающих в поле зрения лингвистов, – обе эти формы выражают пересказ форм плюсквамперфекта в чужой речи. Важное следствие рассмотренных особенностей выражения эвиденциальных значений состоит в том, что для различных значений характерны разные средства выражения – например, адмиратив часто выражается экспрессивными конструкциями в целом, а для пересказа характерны особые частицы.

Интересна часть, где рассматриваются комбинации значений, выражаемые одним и тем же показателем. Она дает информацию о ядре эвиденциальной зоны – значениях, которые часто совмещаются с другими в рамках одного показателя. В частности, опитатив не принадлежит к такому ядру и нередко выражается отдельными показателями. Напротив, констатация состояния и конклюдив очень часто совмещаются с другими значениями. Существенно, что автор рассматривает не только совмещение значений, но и их логическую связь: например, имперцептив и адмиратив могут быть связаны либо через констатацию состояния, либо через конклюдив (говорящий может прийти к неожиданному выводу либо увидев результат действия, либо логически заключив, что действие имело место).

Отдельную главу автор посвящает так называемым *бил*-формам, образованным сочетанием финитной формы вспомогательного глагола ‘быть’, его *л*-причастия *бил* и *л*-причастия основного глагола. В болгаристике эти формы считаются формами “усиленного пересказа”, выражающими недоверие к передаваемой информации или представляющими ситуацию как относящуюся к давнему прошлому. Автор считает, что значение удаленности ситуации в прошлом создается за счет отличия *бил*-форм от остальных форм, используемых в тексте, то есть речь идет о предшествовании ситуации другой ситуации в прошлом, ср. ... *Тя с чуруликане и трели расказа, какво и се било случило*

‘Она с переживаниями и трелями рассказала, что с ней <раньше> случилось’. По мнению автора, эффект давнопрошедшего времени в модальных употреблениях используется для выражения сомнения по поводу реальности ситуации – согласно [Fleischman 1989: 2], “временная дистанция служит, чтобы выражать модальную дистанцию..., оценку достоверности ситуации” – аналогичное употребление имеет, например, английский плюсквамперфект⁴. Автор считает, что исходным у *бил*-форм является именно временное значение. В частности, некоторые славянские языки (например, польский) имеют близкий к болгарским *бил*-формам ряд *билбы*-форм, обозначающих нереализованную возможность. В этом смысле они как формы ирреалиса противопоставлены формам типа болгарского *беше*-плюсквамперфекта, не несущих значения ирреальности ситуации (о возможных соотношениях между несколькими формами плюсквамперфекта в одном и том же языке см. работу [Сичинава 2003]). При этом даже в пересказывательных контекстах *бил*-формы не обязательно выражают давнопрошедшее время – они могут обозначать некоторое состояние, являющееся результатом ситуации (как и обычные *л*-формы), но выражать сомнение по поводу того, что этот результат имеет место или должен описываться именно так.

Естественно, чтобы определить, какое значение привносит использование *бил*-формы, нужно опираться на контекст, в том числе на то, какие еще глагольные формы используются в данном отрывке текста. На современном уровне модальные и временные употребления парадигмы *бил*-форм могут рассматриваться как омонимы – автор, в частности, указывает на меньшую автономность словоформы *бил* в модальных употреблениях – в таких случаях она не может отделяться от *л*-причастия ника-

кими словами, что возможно при темпоральных употреблениях. На этом основании автор считает, что в модальных контекстах *бил* является скорее модальной частицей, чем глагольной словоформой, то есть представляет более позднюю стадию грамматикализации. Значение формы в ходе грамматикализации трансформируется из ‘предшествования’ в более общее значение ‘дистанции’.

Вообще, к достоинствам работы относится внимание не только к синхронным, но и к диахроническим объяснениям свойств пересказывательных форм. Так, в работе подробно исследуются возможные источники заимствования этого ряда форм (автор считает наиболее вероятным заимствование из тюркских языков, оговариваясь, что заимствуется семантическое противопоставление, а не структура парадигмы, поскольку в турецком языке формы на *-miş* с эвиденциальным и перфектным значениями занимают в глагольной парадигме другое место, нежели болгарские пересказывательные формы). В связи с этим подробно рассматривается балканская социолингвистическая ситуация. Кроме того, рассматривается постепенное разделение на протяжении истории болгарского языка перфектных и эвиденциальных форм.

Семантика конструкции с *бил* и семантики перфектных связочных (со связкой в настоящем времени) и бессвязочных *л*-форм с течением времени претерпевают одни и те же изменения. Изначально конструкция с *бил*, как и конструкция с настоящим временем глагола *съм* ‘быть’, образуясь от **недуративных результатов**, характеризовала только субъект – ср. в современном болгарском языке *Сега съвсем се била разболяла* ‘Сейчас она совсем разболелась’. С другой стороны, образуясь от **дуративных нерезультативов**, эти формы передавали значение процесса, развертывание действия. Автор предлагает интересную гипотезу о формировании значения *бил-л*-форм (и простых пересказывательных форм): в ходе грамматикализации, с одной стороны, расширяется значение характеристики субъекта: захватываются дуративные результаты, а затем и нерезультативные предикаты. Параллельно употребления *л*-форм для обозначения действий/процессов развиваются в другом направлении, захватывая уже и результативные предикаты. В результате процесса грамматикализации сочетания *бил-л*-формы и *л*-формы становятся способны обозначать все типы ситуаций, передавая и значение действия, и значение результирующего состояния. При грамматикализации *бил-л*-формы *бил* в современном языке почти утрачивает изначально присущие ему значения, с одной стороны, свей-

⁴ В работах [Dahl 1997; Плунгян 2004] защищаемая А. Левин-Штайнман гипотеза С. Флейшман подвергается критике: в частности, замечено, что модальные употребления возникают у временных форм даже в тех языках, где эти формы не имеют специального значения временной удаленности. В работе [Плунгян 2004] предлагается альтернативное объяснение возникновения модальных значений ирреальности (в частности, контрафактичности) у временных форм через объединяющее плюсквамперфект и контрафактичность понятие **барьера** между реальной действительностью и миром, в котором имела (или могла бы иметь) место ситуация.

ства субъекта (при недуративных результатах), а с другой стороны, временной удаленности (при дуративных результатах). Можно считать, что в конце процесса грамматикализации *бил* становится грамматическим маркером. В частности, в одной и той же конструкции этот показатель может использоваться дважды – в модальном и в темпоральном значении.

В конце работы анализируются доводы за и против выделения пересказывательных форм в отдельное наклонение (впервые пересказывательное наклонение было выделено в [Андрейчин 1962]). В частности, против присвоения этим формам статуса наклонения говорит то, что, во-первых, их семантический инвариант (констатация состояния) также выступает в качестве инварианта для перфекта и плюсквамперфекта и, во-вторых, они могут формально отличаться от перфектных только в третьем лице. Таким образом, автор предпочитает рассматривать эти формы как варианты перфектных и плюсквамперфектных.

Кроме того, такие значения пересказывательных форм, как ренарратив, конклюдив и констатация состояния, не удовлетворяют и семантическому определению модальности, данному группой Теории функциональной грамматики, на которое ориентируется автор: “оценка говорящим реальности положения вещей” [Бондарко 1990]: действительно, ренарратив выражает передачу чужих слов, конклюдив – способ получения знания, а констатация состояния – способ представления результата действия, а эти значения изначально не подразумевают оценки реальности ситуации, хотя напрямую с ней связаны. Что касается адмиратива и оптатива, то значению подпадающих под определение модальности, то эти значения выражаются не только пересказывательными формами, но также интонацией и другими средствами.

С другой стороны, *бил*-формы, не будучи на современном уровне вариантом плюсквамперфекта, исторически все же являются плюсквамперфектными, а их функции в большой степени пересекаются с функциями “стандартного” плюсквамперфекта на *бие* (с вспомогательным глаголом в имперфекте). Само же значение *дубитатива*, т.е. сомнения в достоверности некоторой информации, выводится из значения временной удаленности. Следовательно, и эти формы, с точки зрения автора, нецелесообразно выделять в отдельное наклонение.

В последней части и в приложении исследуется употребление пересказывательных форм в прессе и их интерпретация носителями языка. В газетных текстах заслуживают внимания

употребления, связанные с экстралингвистическими причинами: автор обращает внимание на особенности политического дискурса времен социализма в Болгарии, когда пересказывательные формы использовались прежде всего для передачи высказываний враждебных государств – таким образом задавалось недоверчивое к ним отношение.

В отношении лингвистическом аспекте интерес представляет большее по сравнению с художественной литературой количество пересказывательных форм в прессе. Помимо ренарративного и других свойственных им значений, пересказывательные формы могут выделять то или иное состояние, сосредоточивать на нем внимание читателя. Особенно интересны случаи, когда пересказывательная форма используется в заголовке, а затем в тексте статьи та же ситуация описывается уже только с помощью форм прямой засвидетельствованности.

Как следует описывать такие случаи? В первом приближении можно считать, что пересказывательные формы просто привлекают внимание к заголовку. Ведь формы, выражающие пересказ чужой речи, в то же время, как неоднократно подчеркивает автор, могут привлечь внимание к состоянию, являющемуся результатом некоторого действия, а следовательно, фокусировать внимание на этом состоянии. В основном же тексте статьи эти формы возникают на стыке частей, одни из которых выражают личное мнение по поводу случившегося, а в других следует подробный анализ события автором статьи. Немаловажно, что вместе с ренарративным компонентом значения в таких случаях возникает и имперцептивный – автор статьи подчеркивает, что говорящий может только строить умозаключения о ситуации, поскольку не был ее свидетелем.

При работе с носителями болгарского языка автор исследует степень приемлемости и интерпретации носителями ряда конструкций с пересказывательными формами. Результаты эксперимента в основном подтверждают положения работы, однако выводят ее на новый уровень – имея данные об интерпретации форм носителями, можно исследовать пересказывательные формы в психолингвистическом плане. Кроме того, при построении носителями примеров становится ясно, что семантика пересказывательных форм не исчерпывается пересказом чужой речи – более того, поскольку ренарративное значение в большой степени связано с контекстом, в изолированных предложениях на первое место часто выходят другие значения.

Таким образом, можно сказать, что главным итогом работы А. Левин-Штайнман является выбор в качестве инварианта значения

болгарских пересказывательных форм значения **констатации состояния**. Именно это значение отличает их как от перфектных, так и от остальных видо-временных форм болгарского глагола, тогда как собственно пересказывательное значение может выражаться и с помощью других форм.

Книга, безусловно, является серьезным лингвистическим исследованием, ставящим актуальную проблему и предлагающим аргументированное решение. Несмотря на некоторые свои недостатки – в частности, разные значения пересказывательных форм рассматриваются с разной степенью подробности, а типологическая часть работы не дает, да и не может дать полной картины выражения рассматриваемых значений в языках мира – работа А. Левин-Штайнман полезна и интересна и для слависта, и для лингвиста-типолога (особый типологический интерес представляет диапазон значений л-форм и их варианты).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андрейчин 1962 – Л. Андрейчин. Още по въпроса за преизказното наклонение // Български език. 1962. № 6.
Бондарко 1990 – А.В. Бондарко. Модальность. Вступительные замечания // А.В. Бондар-

- ко (ред.). Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л., 1990.
Плунгян 2000 – В.А. Плунгян. Общая морфология: Введение в проблематику. М., 2000.
Плунгян 2004 – В.А. Плунгян. О контрафактических употреблении плюсквамперфекта // Ю.А. Ландер и др. (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 3: Ирреалис и ирреальность. М., 2004.
Сичинава 2003 – Д.В. Сичинава. К типологии глагольных систем с несколькими формами плюсквамперфекта: casus latinus // ВЯ. 2003. № 5.
Chafe, Nichols (eds.) 1986 – W. Chafe, J. Nichols (eds.). Evidentiality. The linguistic coding of epistemology. Norwood, 1986.
Dahl 1997 – Ö. Dahl. The relation between past time reference and counterfactuality: a new look // A. Athanasiadou, R. Dirven (eds.). On conditionals again. Amsterdam, 1997.
Fleischman 1989 – S. Fleischman. Temporal distance: a basic linguistic metaphor // Studies in language. 13. 1. 1989.
Guentchéva (ed.) 1996 – Z. Guentchéva (ed.). L'énonciation médiatisée. Louvain, 1996.
Johanson (ed.) 2000 – L. Johanson (ed.). Evidentials. Turkic, Iranian and neighbouring languages. Berlin, 2000.

А.Б. Летуцкий